

ДЖОРДЖ МАКДОНАЛЬД

ПОРТВЕЙН В БУРЮ

Часть сборника: Рождественские истории (сборник)

Джордж Макдональд

Портвейн в бурю

«ЭКСМО»

1866

Макдональд Д.

Портвейн в бурю / Д. Макдональд — «Эксмо», 1866

«— Папа, — промолвила моя сестрица Эффи однажды вечером, когда все мы собрались в гостиной у очага. Поскольку продолжения не последовало, мало-помалу все взгляды обратились в ее сторону. Эффи сидела молча, вышивая уголок батистового платочка; похоже, словечко вырвалось у нее неосознанно...»

© Макдональд Д., 1866

© Эксмо, 1866

Джордж Макдональд Портвейн в бурю

– Папа, – промолвила моя сестрица Эффи однажды вечером, когда все мы собрались в гостиной у очага. Поскольку продолжения не последовало, мало-помалу все взгляды обратились в ее сторону. Эффи сидела молча, вышивая уголок батистового платочка; похоже, словечко вырвалось у нее неосознанно.

Для начала зимы ночь выдалась весьма холодная. Отец рано вернулся домой, и мы отужинали пораньше, чтобы насладиться долгим вечером в кругу семьи: то была годовщина родительской свадьбы, а для нас – самый домашний из праздников. Отец восседал в кресле у дымохода, с кувшином бургундского, а матушка устроилась рядом с ним и изредка отпивала из его бокала.

Эффи шел девятнадцатый год; остальные были моложе. О чем она думала, в ту пору мы понятия не имели, хотя сейчас догадались бы без труда. Но вдруг она подняла голову и, заметив, что все глаза устремлены на нее, опомнилась или заподозрила неладное – и зарумянилась, словно роза.

– Ты ко мне обратилась, Эффи. Что такое, родная?

– Ах да, папочка! Я хотела спросить, не расскажешь ли ты нам сегодня... историю о том, как ты...

– Да, милая?

– О том, как ты...

– Я слушаю, милая.

– Ну, про вас с мамочкой.

– Да, понимаю! Про то, как я заполучил вашу мамочку вам в матери. Да. Я заплатил за нее дюжину портвейна.

Мы хором воскликнули: «Папа!» – а матушка рассмеялась.

– Расскажи, расскажи! – раздался всеобщий крик.

– Хорошо, расскажу, – отозвался отец. – Однако следует начать с самого начала.

И, наполнив бокал бургундским, он повел рассказ:

– В раннем детстве, насколько я себя помню, я жил с отцом в старинном загородном поместье. Усадьба принадлежала не отцу, но его старшему брату, который в ту пору плывал капитаном на корабле с семьюдесятью четырьмя пушками. Он любил море больше жизни, и, судя по всему, до поры до времени ни одна дама не могла выдержать соперничества с его кораблем. Во всяком случае, дядюшка оставался холостяком.

Моей матушки вот уже несколько лет как не было в живых, а здоровье отца оставляло желать лучшего. Отец никогда не отличался избытком силы, а после смерти матери стал таять и чахнуть от горя (хотя в ту пору я был слишком мал, чтобы это заметить). Сейчас я вам об отце рассказывать не стану, поскольку к моей истории все это отношения не имеет.

Когда мне исполнилось пять, доктора посоветовали ему покинуть Англию. Усадьба перешла в распоряжение доверенного лица для сдачи внаем – по крайней мере, так мне кажется, – а отец увез меня на Мадейру, где вскоре умер. Слуга доставил меня домой; дядя меня отправил в пансион, оттуда – в Итон, а затем – в Оксфорд.

Я еще не успел закончить курса наук, а дядя мой уже дослужился до адмирала. За год до того, как я закончил Оксфорд, он женился на леди Джорджиане Торнбери, овдовевшей даме с единственной дочерью от первого брака. Так что дядюшка распрощался с морем, хотя, смею заметить, крайне неохотно, и поселился с женой в родной усадьбе в том самом доме, где родился и я, и который принадлежал нашему семейству на протяжении многих поколений и где сейчас живет наш кузен.

Новобрачные прибыли в Кулвервуд поздней осенью, и не успели толком обосноваться, как дядюшка уже написал мне письмо, приглашая меня отпраздновать Рождество в семейном гнезде. Здесь-то и начинается мой рассказ.

Странные чувства владели мною, когда я переступил порог дома. Взгляду, привыкшему к современной безликой заурядности, старинный особняк казался исполненным горделивого величия. Однако смутные воспоминания, витавшие в воздухе, создавали ощущение домашнего уюта, что, наряду с великолепием, пробуждало в душе ни с чем не сравнимый восторг. Ибо что может быть лучше, чем ощущать себя как дома в обществе царственных особ? Я и по сей день признателен за урок, усвоенный благодаря этому чувству – сочетанию благоговения и нежности, всколыхнувшегося в душе при виде родового поместья, когда в первый раз спустя пятнадцать лет я вступил в дом, покинутый в далеком детстве.

Старый дядюшка и новообетенная тетушка оказали мне радушный прием. Но стоило войти Кейт Торнбери, и я лишился сердца – и до сего дня так не обрел его снова. Однако я прекрасно обхожусь и без него, ибо получил в залог сердце куда более ценное – до тех пор, пока не отыщу своего, чего, от души надеюсь, никогда не произойдет.

При этих словах отец переглянулся с матушкой: в ее лице отражалась спокойная, безмятежная уверенность. У Эффи на глаза навернулись слезы. Бедняжка: очень скоро и ее сердечку предстояло утратить покой! Но рассказ мой не о ней. Отец тем временем продолжал:

– Ваша матушка была прелестнее, чем сейчас, хотя и не столь красива; и все же красива настолько, что я тут же понял: в целом свете еще не бывало, да и не будет, создания столь прекрасного! Она встретила меня приветливо, а я ее – неловко.

– Мне казалось, ты даешь мне понять, что мне в доме не место, – отозвалась матушка, в первый раз нарушив молчание.

– Вот видите, девочки! – подхватил отец. – А вы всегда так полагаетесь на первые впечатления и голос сердца! Я испытывал неловкость, потому что, как я уже сказал, полюбил вашу матушку с первого взгляда; а она решила, будто я воспринимаю ее как самозванку, вторгшуюся в родовое гнездо!

Я не стану в подробностях описывать историю тех дней. Я был безмерно счастлив – кроме тех моментов, когда остро чувствовал, что недостойн Кейт Торнбери; не то чтобы она намеренно давала мне это понять, ибо всегда держалась с неизменной приветливостью, однако такова уж она была, что я не мог не ощущать собственного несовершенства. Однако я набрался таки храбрости, и не прошло и трех дней, как я уже вовсю пересказывал ей медленно оживающие воспоминания, относящиеся к усадьбе, а также и детские приключения, связанные с той или иной комнатой, или флигелем, или уголком в парке; ибо чем дольше жил я в поместье, тем скорее пробуждались старые ассоциации, и я сам дивился, обнаружив, сколько событий моей биографии, связанных с Кулвервудом, запечатлелись в памяти. Кейт никогда не давала понять, что мои рассказы ей скучны; а ведь, занимательные для меня, они бы непременно утомили любого, кто бы не разделял моих чувств в отношении родового гнезда. Мы бродили из комнаты в комнату, переговариваясь или молча; надо полагать, лучшей возможности мне и представиться не могло, в отношении такого сердца, как у вашей матушки. Мне думается, мало-помалу я ей понравился, а привязанность легко могла перерасти в нечто более сильное, если бы только и Кейт не пришла к выводу, что я ее недостойн.

Мой дядюшка, славный морской волк, принял меня с распростертыми объятиями – дескать, добро пожаловать на старую посудину; даст Бог, мы вместе еще немало поплаваем; суденышко в полном моем распоряжении – во всем, кроме одного. «Видишь ли, мальчик мой, – сообщил дядя, – я женился на знатной леди и не хочу, чтобы друзья моей жены поговаривали, будто я пришвартовался с ней рядышком, чтобы прибрать к рукам денежки ее дочери. Нет, нет, мальчик мой; твой дядюшка достаточно нахлебался соленой водицы, чтобы выкинуть такую

подлость. Так что ты поберегись – вот и все. Она способна вскружить голову и такому разумнику, каких в нашей семье отродясь не водилось!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.